Опубликовано:
Жилякова Н.В. Рецепция творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина в сибирской периодике (томские газеты П.И. Макушина) // Сибирский филологический журнал. 2011. №3. С. 95-102.
УДК 070:93/94 (571.1)

Жилякова Наталия Вениаминовна
ГОУ ВПО Томский государственный университет
доцент кафедры теории и практики журналистики
факультета журналистики
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: Retama@yandex.ru

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИКЕ (ТОМСКИЕ ГАЗЕТЫ П.И. МАКУШИНА)

В статье рассматриваются вопросы рецепции творчества великого русского сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина в сибирской периодической печати на материале томских дореволюционных газет, основанных П.И. Макушиным: «Сибирской газеты» и «Сибирской жизни». Выявляется отношение местных публицистов к писателю, способы существования щедринских персонажей в провинциальной публицистике.

Ключевые слова: сибирская журналистика, рецепция, сатира, М.Е. Салтыков-Щедрин.

Receptiveness in creative activity of M.E. Saltykov-Shedrin in Siberian periodic (Tomsk newspapers of P.I. Makushin)

In article considering questions of receptiveness of creative activity of great Russian satiric M.E. Saltykov-Shedrin in Siberian periodical press on materials of Tomsk pre-revolutionary newspapers, that were based by P.I. Makushin: “Siberian newspaper” and “Siberian Life”. Discovering relation of provincial publishers to the writer, methods of existence of personages of Shedrin in province journalism.

Key words: Siberian journalism, receptiveness, satire, M.E. Saltykov-Shedrin.

Особенностью журналистики дореволюционной Сибири был синтез публицистики и литературы, обусловленный многими причинами: малочисленность и малограмотность сибирского читателя выдвигали на первое место задачу просвещения и воспитания, эстетического развития сибиряка; неразвитость газетно-журнального дела в отдаленном регионе приводила к объединению в одном издании материалов журналистских, литературных и литературно-критических и т.д. Газеты Сибири – особенно в течение XIX века – являлись базой литературного и литературно-критического процессов: на их страницах публиковались произведения

сибирских и русских поэтов и писателей, анализировались явления текущей литературы. «Литературоцентричность» ведущих газет Сибири проявлялась в постоянном внимании к общерусскому литературному процессу, к творчеству писателей-современников и классиков: В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.А. Мачтета, Г.И. Успенского, В.Г. Короленко, К.М. Станюковича и многих других.

Первая крупная частная газета Западной Сибири – томская «Сибирская газета» (1881- 1888) - отличалась особой чуткостью к культурной жизни России и Сибири, выделяясь на фоне всех сибирских изданий богатством своего беллетристического отдела. Первоначально это было связано с личными интересами издателя газеты П.И. Макушина – он был основателем первого в Сибири книжного магазина, целеустремленным просветителем сибиряков, и поэтому пропаганда и распространение книги отвечали его целям. Постепенное расширение состава редакции за счет участия в ней политических ссыльных, писателей и поэтов народнического направления – Ф.В. Волховского, Д.А. Клеменца, С.Л. Чудновского и других, а также привлечение в качестве авторов русских литераторов (К.М. Станюковича, В.Г. Короленко, Н.И. Наумова, С.С. Синегуба, Д.А. Мамина-Сибиряка и многих других) способствовало усилению «литературоцентричности» «Сибирской газеты».

В «Сибирской газете», имеющей отчетливо выраженный демократический характер, особым вниманием пользовались такие таланты, как Л.Н. Толстой, А.Н. Островский, Г.И. Успенский, и особенно М.Е. Салтыков-Щедрин, для которого 1880-е годы были отмечены «замечательными художественными достижениями», «исключительной интенсивностью художественных поисков и заметными качественными изменениями в реалистической манере» [Каминский, 1979, с. 15].

Газета следила за жизнью великого современника и знакомила с ней читателей по публикациям в общероссийской прессе, помещая перепечатки в рубрике «Русские известия». В 1884 году она опубликовала небольшое известие о том, что «"Neue Freie Presse" узнает от своего корреспондента из С-Петербурга, что г. Щедрин (Салтыков) намеревается купить себе имение в Тверской губернии, с целью там поселиться (СГ, 1884, № 25). Эта заметка размером в две газетные строки показывала пристальное внимание к жизни Щедрина со стороны не только русской, но и зарубежной прессы, а также бодрое состояние духа сатирика, строящего планы своей дальнейшей жизни.

Большое внимание газеты уделяли вопросу о состоянии здоровья болевшего в то время писателя, многие перепечатки корреспондировали материалам «Русских ведомостей». Ведущая столичная газета характеризовала состояние писателя как «тяжкое и мучительное», которое выражалось в «постоянно нервном расстройстве, не дающем больному минуты покоя», это «безусловно лишает его возможности работать, что, конечно, еще отягчает нравственное состояние его» (СГ, 1885, № 46). «Русские ведомости» подчеркивали, что Салтыков-Щедрин находится под

наблюдением «опытных врачей», «в числе их М.Е. пользуется советами известного С.П. Боткина, который с величайшим участием и вниманием относится к больному», и призывали читателей пожелать, «чтобы усилия врачей возможно скорее увенчались успехом. Восстановление здоровья М.Е. Салтыкова будет праздником для всех, кто умеет ценить его заслуги перед русским обществом» (СГ, 1885, № 46). В этом же году «Сибирская газета» перепечатала из «Русских ведомостей» новость о том, что «состояние здоровья М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина) значительно улучшилось», и он уже «понемногу принимается за работу» (СГ, 1885, № 49).

К этой теме «Сибирская газета» вернулась еще раз в 1886 году. В № 36 рубрике «Русские известия» одно из сообщений начиналось со следующего заявления: «В одном из последних номеров «Русских ведомостей» напечатан фельетон Щедрина (Мелочи жизни). Начало его рисует теперешнее печальное состояние нашего даровитого сатирика. Жизнь последнего настолько дорога всякому мыслящему русскому, что мы считаем себя обязанными воспроизвести это место целиком <…>» (СГ, 1886, № 36). Текст этот был посвящен не столько характеристике щедринского «недуга», сколько «писательскому ремеслу», которое, по мнению сатирика, «только мука, но целый душевный ад»: «Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок. Чего со мною не делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и писали циркуляры, что я вредный, вредный, вредный» (СГ, 1886, № 36).

Имя знаменитого сатирика в «Сибирской газете» регулярно появлялось в литературно-критических обозрениях, которые публиковались на протяжении практически всего времени издания газеты.

На первый взгляд, отношение «Сибирской газеты» к Салтыкову-Щедрину было непростым. В обозрениях 1881-1882 годов, принадлежащих перу Е.В. Корша, оно отличалось явно выраженной критической направленностью. Критика была обусловлена резким неприятием Салтыковым-Щедриным поведением русского либерализма, по словам сатирика, «применительно к подлости». Так, отец Е.В. Корша, В.Ф. Корш, был выведен Щедриным в виде фигуры либерального журналиста, редактора «Старейшей Всероссийской пенкоснимательницы» Менандра Прелестнова (в сатирическом цикле «Дневник провинциала в Петербурге», 1872 год). С того времени прошло десять лет, но вряд ли Корши забыли об этом эпизоде.

Уже в первом литературно-критическом обозрении «Сибирской газеты» был опубликован критический отзыв о статье Е.И. Утина «Сатира Щедрина», опубликованной в «Вестнике Европы» за январь 1881 года (СГ, 1881, № 1). Статья оценивалась как «самая неудачная из всего, что мы прочли в первой книжке "Вестника Европы"», поскольку это «вытянутое за уши огульное восхваление нашего известного сатирика, всегда, во всем и за все, и больше ничего. Ни малейшей критической жилки не проглядывает в этюде г. Утина; ставя г. Салтыкова выше всего и всех, наш критик забывает все прошлое русской литературы и обнаруживает полное непонимание таланта Щедрина и его значения» (СГ, 1881, № 1). Е.В. Корш сразу

обозначил свою решимость не ставить Салтыкова-Щедрина «выше всех и вся» и подвергнуть критическому рассмотрению. Так, в одном из последующих обозрений он писал о новой комедии Островского «Невольницы» и о продолжении этюдов Щедрина «За рубежом»: «Безусловно плохих вещей, конечно, не могут написать ни Щедрин, ни Островский; и в последних их произведениях есть очень удачные, меткие и типичные лица, характеры и мысли, но в общем они значительно уступают прежним творениям знаменитых авторов, и потому читаются с меньшим интересом» (СГ, 1881, № 5).

Однако при всем субъективизме по отношению к Щедрину, обозреватель не мог отрицать, что это выдающееся явление в русской литературе. На страницах «Сибирской газеты» была дана высокая оценка творчеству Салтыкова-Щедрина: «Громадный, совершенно исключительный и своеобразный талант нашего неподражаемого сатирика не только не ослабевает, но с каждым новым его произведением становится все сильнее и сильнее. Такие публицистические вещи, как "За рубежом", составляют литературную эпоху; как некогда Гоголь, в вечных художественных образах, создал лучшую историческую картину современного ему общества, так теперь Щедрин раскрывает нам текущую русскую жизнь, отрезвляет общественное сознание и не дает ему окончательно сбиться с толку» (СГ, 1881, № 23).

На протяжении 1881-го года имя Щедрина еще дважды встречалось в обозрениях газеты: здесь сообщалось о публикации нового цикла очерков Щедрина «Письма к тетеньке» (СГ, 1881, № 30), а также выражалось сожаление о том, что «знаменитый сатирик, даже в немногих отрывках, не всегда удобен для провинциальной газеты»: «выписки из его последних произведений зачастую невозможны, и мне, грустному сибирскому обозревателю русской журналистики, в большинстве случаев, остается только слезно просить читателя "поверить на слово", что тот или другой очерк Щедрина сильно, рельефно и неотразимо бичует главные слабые стороны нашей жизни и наводит мысль русского обывателя на надлежащий путь <…> Нельзя не удивляться той поразительной силе, с какой развертывается все шире и шире громадный талант великого художника и мыслителя нашего времени: с каждым новым его произведением, вы все сильнее чувствуете, как много мог бы сказать этот, связанный, в сущности, по рукам и ногам, гениальный писатель» (СГ, 1881, № 33). «Сибирскую газету» восхищала «та поразительная сила, с какой развертывается все шире и шире громадный талант великого художника и мыслителя нашего времени». Газета считала, что «не читать Щедрина - значит, не читать самого крупного выразителя русской политической мысли, самого горячего защитника и поборника лучших общественных стремлений и идеалов» (СГ, 1881, № 33).

С 1882 года литературным обозревателем «Сибирской газеты» стал Ф.В. Волховский, сосланный в Сибирь революционер-народник, известный поэт. Боевой тон обозрений Волховского, стиль, близкий к щедринскому,

соединение иронии, сатиры и философского размышления, образный язык – всё это придавало литературным обозрениям «Сибирской жизни» характер программных статей по актуальнейшим вопросам русской литературной жизни. Самым значительным писателем 1880-х годов Волховский считал Салтыкова-Щедрина, о котором он писал: «Голос великого печальника умственных и человечных интересов русской земли не умолк до сих пор, удары его мощного сатирического бича не ослабели, и по-прежнему сжимается сердце от боли, по-прежнему оживает наша мысль, по-прежнему неподражаемый юмор приводит нас в восторг при чтении свежих страниц М.Е. Салтыкова. Этот, мастер воистину, великий – и по необыкновенной оригинальности, силе таланта, и по содержанию своих произведений, и по громадному влиянию на читающее общество, по значению, какое он в нем имел, имеет и будет иметь, - пишет до сих пор. Мало того: что особенно ценно в русском писателе, потому что так в нем редко, - с годами ни талант его не слабеет, ни круг идей не суживается; напротив, недавно написанные им сказки принадлежат к величайшим произведениям не только русской, но и всемирной литературы; а каждый, кто сравнит его "Губернские очерки" с произведениями среднего периода и эти последние с позднейшими, увидит, что начав с фотографирования и "обличения" пошлости и других частных недостатков отдельных сфер русской жизни, он постепенно обнимал взглядом все более и более обширный круг явлений, все более и более обобщал выводы из своих наблюдений и все тверже, все определеннее выяснял себе и другим, что самая основа существующих отношений – экономических, гражданских и бытовых – должна быть радикально изменена; пока, наконец, в сказках, в роде "Пороков и Добродетелей", не достиг такой высоты, широты и силы мысли, которые делают ее ценным достоянием не одной какой-либо литературы, но всего мира» (СГ, 1887, № 16). Волховский посвятил очеркам из цикла «Мелочи жизни», опубликованным в «Вестнике Европы» в 1886-1887 годах (СГ, 1887, № 17), отдельное обозрение с подзаголовком «Н. Щедрин об основе нашей жизни».

Кроме литературных обозрений, в разных материалах «Сибирской газеты» - в публицистических статьях, корреспонденциях, фельетонах - постоянно встречались щедринские образы и крылатые фразы. Так, в статье «26 октября 1883 года в Иркутске» журналист М. Писарев, произнося речь о сибирской прессе, «удачно сравнил ее с тем щедринским пряником, который потерял всю свою сладость с тех пор, как было приказано вырезывать на них слова "цензурою дозволено, цензор Худяков"» (СГ, 1883, № 52); фельетонист видел сон про «дикую пляску сибирского кулака и решителя судеб Сибири, навозного Угрюм-Бурчеева» (СГ, 1885, № 29) и так далее. Наиболее актуальными для Сибири оказались такие щедринские персонажи, как Тит Титыч, Чумазый, Разуваев, Колупаев, помпадур. Газета проводила параллели между «российскими Колупаевыми и Разуваевыми», общая характеристика которых «воспроизведена давно уже нашим талантливейшим сатириком Щедриным и знакома всякому, мало-мальски, грамотному русскому человеку» - и сибирскими «хищниками». Щедринская характеристика, по

мнению «Сибирской газеты», подходила вполне и «облику сибирского Кондрата, снятого с натуры "добродушным Сибиряком"» (Н.М. Ядринцевым, под этим псевдонимом публиковавшим фельетоны в «Восточном обозрении») (СГ, 1884, № 12).

Сатирические приемы и образы Салтыкова-Щедрина постоянно использовались в фельетонном творчестве Ф.В. Волховского. Это было особенно заметно в сатирическом цикле «Летопись Мирного городка» (СГ, 1883, № 44; 1884, №№ 16, 20, 23, 29, 42, 45). Фельетонист начинал повествование со вполне реальных фактов, случаев из жизни «Мирного городка». Но постепенно сквозь канву повествования прорастали контуры фантасмагоричного, абсурдного щедринского города Глупова в сибирском варианте. Мирный городок - это как бы еще один сибирский город, он вбирает в себя приметы всех сибирских городов. Контуры его размыты и изменчивы, он реален и одновременно иллюзорен. И это позволяло Волховскому вести своеобразную игру с читателем: он описывал жизнь Мирного городка «изнутри» (в цикле «Летопись Мирного городка») - и приводил в Мирный городок героев из параллельного фельетонного цикла «Сибирский музей».[1] Таким образом он убеждал читателя в реальности вымышленного Мирного городка, вводил Мирный городок как художественный образ в фельетонный мир, пользуясь разработанными методами сатиры Салтыкова-Щедрина.

Участвовавший в «Сибирской газете» как фельетонист К.М. Станюкович (он был сослан в Томск в 1885 году) также поддержал традицию «переклички» издания с произведениями сатирика: один из фельетонов Станюковича из цикла «Сибирские картинки» получил подзаголовок, восходящий к Салтыкову-Щедрину, «Торжество "чумазого"». В нем шла речь о том, как фельетонист на выборах столкнулся с многочисленными «образчиками всех видов сибирского "чумазого", непреклонного, упорного, бравирующего закон и совесть и привыкшего деньгами замазывать всякие дыры, сквозь которые могли бы выйти на свет божий плохо заметенные следы <…>» (СГ, 1886, № 49).

Одновременно с фельетонами Станюкович с № 36 1886 года начал публиковать в «Сибирской газете» роман «Не столь отдаленные места». Главный герой этого произведения - один из «порядочных» молодых людей, Евгений Невежин. По замечанию исследователя М.В. Грицановой, «невольно возникает литературная параллель: Салтыков-Щедрин в одном из сатирических циклов дает характеристику т.н. "легковесных" - деятелей, которые ни над чем не задумываясь, ни перед чем не останавливаясь "шествуют в храм славы с единственной целью сневежничать в нем"» [Грицанова, 1996, с. 102]. Но в романе есть и другой «герой» - сибирский губернский город, который у Станюковича получил название «Жиганск». Здесь писатель также ориентировался и на «Губернские очерки», и на

[1] Эти две линии сплетались в фельетонах «Сибирский музей» - 1884, № 28 и «Летопись Мирного городка» - 1884, № 42.

«Историю одного города» Салтыкова-Щедрина, недаром тема Жиганска начиналась с описания его губернатора - Ржевского-Пряника.

Таким образом, Щедрин воспринимался «Сибирской газетой» как авторитетный единомышленник, с которого она брала пример, пользовалась его открытиями в «эзоповском языке». Надо сказать, что фельетонисты издания настолько поднаторели в обличении сибирских властей - не называя при этом ни одной фамилии, - что против газеты не могло быть заведено ни одно дело, тогда как изображенные в ней типы узнавала вся Сибирь.

После закрытия в 1888 году «Сибирской газеты» ее преемницей в 1894-м стала новая газета П.И. Макушина «Сибирская жизнь» (первоначально называлась «Томский справочный листок», «Томский листок»). В это время Салтыкова-Щедрина уже не было в живых: он скончался в 1889 году, и теперь воспринимался как настоящий классик. Ссылки на него продолжали встречаться в разнообразных материалах «Сибирской жизни», хотя и с меньшей частотой: активизация общественной жизни России и Сибири в конце XIX – начале XX веков, отмена предварительной цензуры для провинциальных изданий в 1905 году привели к более редкому применению эзоповского языка, снижению собственно «литературоцентричности».

Целый ряд материалов «Сибирской жизни» свидетельствовал о том, что произведения Салыткова-Щедрина продолжал оставаться для Сибири актуальными и злободневными. Так, в 1904 году в «Сибирской жизни» в разделе фельетона был помещен материал Ipse под знаковым названием: «Мелочи жизни», отсылающим читателя к сатирическому циклу Салтыкова-Щедрина. Кроме того, текст начинался с эпиграфа: «Литература наивно думает, что ничто человеческое ей не чуждо, что все явления вещественного и духовного мира обязательно подлежат ее исследованию – и вдруг врывается нечто непредвиденное и с злобной иронией шипит: я именно и есть тот самый "случай"… Обильна, ах, как обильна сделалась русская жизнь этими "случаями"…» (Щедрин. Т. VII. Стр. 279)» (СЖ, 1904, № 189). То есть это была не просто «перекличка», а принципиальная опора на щедринский текст и его концепцию «мелочей жизни», которая помогла сибирскому автору осмыслить отражение «новых веяний» в провинциальном обывательском сознании.

В 1909 году в № 11 в разделе «Маленький фельетон» (автор – «Жорж В.») был помещен материал под заголовком «Пушкину на памятник – 20 коп.». Автор напоминал читателям о «страничке из записной книжки одного купца», приведенной Салтыковым-Щедриным в одной из его «бессмертных сатирических очерков». Фельетонист публикует содержание этой «знаменитой странички»:

«За разбитые зеркала у "Яра" - 200 р. - к.

Приказчикам за кутеж- 300 р. - к.

Самой на платье – 600 р. - к.

Пушкину на памятник – - р. 20 к.», -

с комментарием: «Очень, очень эффектно! Вот где она – широкая-то русская натура!» (СЖ, 1909, № 11).

Однако, добавляет автор «Сибирской жизни», «хотя Салтыков-Щедрин давно уже умер, но герои его еще, конечно, живы и жить будут еще долго. Жив и внук того щедрого купчины, запись расходов которого так безжалостно обнажил покойный писатель». Он описывает случай, произошедший в «городе Громколаевске» (то есть Николаевске, нынешнем Новосибирске) и связанный со сбором денег на постройку реального училища: подписной лист, заполненный купцами на званом вечере, наутро был переписан «щедрыми жертвователями» с указанием гораздо меньших сумм, чем накануне. Как считает фельетонист, «в общем получилось еще хуже, чем: "Пушкину на памятник – 20 к."». Более того, автор подчеркивает, что «прежний, щедринский купец был лучше и пожертвованного двугривенного на пятак не переделывал…» (СЖ, 1909, № 11).

В связи с 25-летием со дня смерти Салтыкова-Щедрина «Сибирская жизнь» в 1914-м году опубликовала материал Б. Сергеева «Великий сатирик». Эпиграфом к нему послужили слова Салтыкова-Щедрина из «Губернских очерков»: «Много есть путей служить общему делу, но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более, что предполагает полное сочувствие добру и истине» (СЖ, 1914, № 89). Автор материала характеризовал писателя как «одного из самых ярких носителей и стойких защитников русской общественной мысли», и напоминал читателям основные вехи биографии Щедрина. Это детство «в обстановке деревенской помещичьей усадьбы», учеба, служба в канцелярии военного министра, сотрудничество с «Отечественными записками», ссылка в Вятку, работа в «Современнике», служба начальником казенной палаты в Пензе, редактирование «Отечественных записок», смерть в 1889 году. Публицист особенно акцентировал внимание на том, как повлияло на мировоззрение сатирика его детство, проведенное «в обстановке крепостничества, среди уродливых проявлений помещичьего быта», замечая, что «негодование Салтыкова выражалось особенно резко и ярко» в тех случаях, «когда ему приходилось касаться вопросов, связанных с ликвидацией крепостного права». В тексте немало цитат из произведений Салтыкова-Щедрина: из «Пошехонской старины», «Сатир в прозе» и др.

Характеризуя писателя, автор отмечал такие черты его личности, как замкнутость: «по натуре и складу ума Салтыков не был и не мог быть человеком кружка, определенных идейных рамок»; беспощадность к проявлениям «лжи, пошлости, дикости и лицемерия, где бы они не встречались», стремление к реальному делу. Публицист «Сибирской жизни» подчеркивал также, что «в салтыковских произведениях находило себе место не только то, что являлось отражением "эпохи великих реформ", было с нею непосредственно связано. Громадный ум сатирика, его богатый житейский опыт и знание русского быта делали для него доступными все закоулки русской жизни, - "Губернские очерки", "Сатиры в прозе", "История города Глупова", "Господа ташкентцы", "Господа Головлевы" тому пример, но любимой темой его произведений было то, что называется "внутренней политикой" - "мероприятия", "пресечения", "обуздание"» (СЖ, 1914, № 89). В

материале была отмечена и чуткость Салтыкова-Щедрина к новым явлениям общественной жизни России: «Когда с наступлением дворянского оскудения на авансцену русской жизни стали выходить представители новой силы, силы нарождающегося капитала, появились Деруновы, Разуваевы и Колупаевы, люди "мертвой хватки", их появление было отмечено Салтыковым возгласом на всю Россию: "Чумазый идет!"» (СЖ, 1914, № 89).

Но главное, что, по мнению автора материала, делает сатиру Салтыкова-Щедрина «особенно сильно и жизненной» - это то, что «при всей беспощадности обличений писателя, в ней видна неподдельная любовь к тем "головотяпам", "глуповцам", о которых он говорит» (СЖ, 1914, № 89). Это особенно важно, считает Б. Сергеев, в «наше время усиленного расцвета "шапочного патриотизма", когда, выражаясь словами сатирика, спешат "как-нибудь поближе приютиться около пирога, чтобы нечто урвать, утаить, ушить, укроить и вообще, по силу возможности, накласть в загорбок любезному отечеству"»: именно в это время «русскому читателю вспомнить о нем не лишне». То есть публицист подчеркнул непреходящую актуальность Салтыкова-Щедрина, великий нравственный урок, который был дан его произведениями россиянам – современникам и потомкам.

Таким образом, имя Салтыкова-Щедрина было хорошо знакомо сибирякам, и публицисты нередко использовали приемы и методы щедринской сатиры для обхода цензуры, для более глубокого и острого обсуждения местных проблем.

Наибольшее количество материала, связанного с именем и творчеством сатирика, обнаруживается на страницах первой частной газеты Томска – «Сибирской газеты». Это объясняется прежде всего тем, что в 1881-1888 годах, когда выходил это орган периодики, Салтыков-Щедрин был жив и находился в зените своей славы, его авторитет и значение признавались критиками всех направлений, а читатели с нетерпением ждали новых произведений сатирика. «Сибирская газета» имела возможность оценивать щедринские очерки непосредственно после их выхода на страницах «Отечественных записок», обозначать их место в современной текущей литературе.

Сатира Щедрина была востребована в провинциальной периодике по многим причинам, главные из которых были связаны с необходимостью обхода местной цензуры. Благодаря использованию персонажей щедринских произведений, хорошо знакомых читателям, публицисты могли не углубляться в их характеристику, а сразу «погружать» их в условия сибирской действительности и показывать их живучесть, либо наблюдать за эволюцией, совершавшейся при иных обстоятельствах. Появление щедринских «героев» в произведениях местных авторов придавало текстам аналитическую глубину, позволяя сопоставлять сибирскую и общерусскую действительность, видеть в частном – общие тенденции.

Макушинские газеты дорожили в лице Салтыкова-Щедрина одним из самых ярких сатириков демократического лагеря. Они ценили его как представителя русской мыслящей интеллигенции, создателя эзопова языка

для обхода цензуры, гениального писателя, запечатлевшего в своих произведениях типы русской политической и общественной жизни; проницательного исследователя повседневной драмы "мелочей жизни". Авторы томских макушинских газет осваивали художественный опыт писателя на путях создания региональной литературы, отмеченной яркой острой публицистичностью, направленной на воспитание эстетического, художественного и общественного сознания сибиряков.

Литература:

Грицанова М.В. «Томская тема» в творчестве и судьбе К.М. Станюковича // Русские писатели в Томске. - Томск: Водолей. - 1996.

Каминский В.И. Пути развития реализма в русской литературе конца XIX века. - Л.: Наука. - 1979.